

A young boy with dark, curly hair and a grey robe stands in the center, looking upwards with a curious expression. The background is a dramatic, swirling sky of blue, white, and orange, with several grey rocks floating in the air. The overall style is painterly and fantastical.

Сергей Болдырев

По стопам хаоса. Том 1

Сергей Болдырев
По стопам хаоса. Том 1

«Автор»

2026

Болдырев С.

По стопам хаоса. Том 1 / С. Болдырев — «Автор», 2026

Он был лучшим шпионом, вышедшим за рамки физических возможностей большинства людей. Но мир оказался куда больше, куда опасней, и ему предстоит выбрать свой путь. Скрываться или противостоять, и хватит ли сил на то, что он выберет...

© Болдырев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	13
Глава 5	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Сергей Болдырев

По стопам хаоса. Том 1

Глава 1

Пролог

Тишина в заброшенном бункере «Дельта-12» была особой – плотной, вязкой, словно сама тьма здесь была осязаема. Воздух пах пылью веков и подспудной, металлической горечью – запахом ошибки. Той самой, что колола внутри холодным чувством прозрения с самого момента получения приказа. Чуйка, древний, доисторический инстинкт, выла в нём адским набатом: «Не лезь!». Но он заглушил её голосом долга – холодным, отточенным, как клинок. Проклятый, железный долг.

Луч тактического фонаря резал мрак, выхватывая из небытия бесконечные шеренги металлических стеллажей, похожих на рёбра исполинского ископаемого. На них, словно урны в колумбарии, стояли деревянные ящики, покрытые толстым слоем серой пыли. Внутренний секундомер в его сознании отсчитывал секунды с безжалостной точностью. *Двенадцать минут двадцать четыре секунды.*

Вот он. Ящик с едва заметной на сколотой краске меткой – три волнистые линии. Лом со скрипом вошёл в щель, железо взвыло от напряжения. Внутри, на потёртом бархате, лежало Оно.

«Устройство» – слово было слишком убогим. Это был эллипсоид из металла цвета тусклой луны, холодного на ощупь, будто выточенного из ядра несуществующей планеты. Ни швов, ни кнопок, ни щелей – лишь игра призрачного света на идеально гладких, округлых гранях. Он взял его в руки – и мышцы спины инстинктивно напряглись. Не просто тяжело. Неестественно тяжело, как если бы гравитация внутри этого предмета жила по иным законам.

«Задача выполнена. Пора на выход», – мысль была кристально ясной, но почему то беспокойной.

И в эту секунду мир разорвала вспышка.

Это не был свет. Это было насилие над реальностью. Белая, немая молния ворвалась в зрачки, выжгла сетчатку, растворила кости в прах, разорвала на атомы саму память. Он не потерял сознание. Он перестал быть. Исчез.

Глава 1

Возвращение было медленным, как всплытие со дна океана. Сначала пришли запахи – незнакомые, плотные, навязчивые. Воск, тёплый, медовый аромат дорогих свечей; горьковатая пыльца сушёных трав, смешанная с запахом старых книг; и древесина – не лакированная доска, а тёплое, живое, дышащее дерево, пропитанное годами. Потом звуки. Приглушённый скрип половиц за толстой стеной, далёкий, как из другого измерения, смех, лёгкий, мелодичный звон хрусталя. И лишь затем – Тело.

Оно было лёгким, гибким, но глубоко чужим. Каждая мышца, каждый сустав отзывались на мысленную команду с крошечной, раздражающей задержкой, словно нервные пути были проложены вчера. Он открыл глаза, не двигаясь. Высокий каменный потолок с массивными, потемневшими от времени дубовыми балками. Свет просачивался сквозь узкое стрельчатое окно, вставленное в стену метровой толщины, разрезая полумрак в спальне золотым, пыльным клинком. Он лежал на широкой кровати под невероятно тяжёлым, но тёплым стёганым одеялом, расшитым причудливыми узорами.

С осторожностью разведчика на минном поле он поднял руку. Маленькая. С тонкими, почти изящными пальцами и гладкой, белой, без единого знакомого шрама или мозоли, кожей. Холодный, беззвучный ужас, чистый и первобытный, поднялся из глубин этого нового тела, сдавив горло. Он сполз с кровати, ноги – чужие, неуверенные – подкосились, и он сделал рывок к зеркалу, рассчитанный на привычную массу, длину шага и инерцию. Результат – неловкое, детское падение, болезненный удар коленом о холодный каменный пол.

Он поднял голову, отбрасывая со лба чёрные пряди. Напротив, в тёмном овале старинного зеркала в резной деревянной раме, его ждал незнакомец.

Мальчик. Лет семи, от силы восьми. Лицо бледное, с чёткими, слишком выразительными для ребёнка чертами: высокие скулы, прямой нос, тонкие губы. Мягкий, детский овал, но во взгляде – ни капли детской безмятежности. Волосы – чернее воронова крыла, средней длины, падающие на высокий лоб. А глаза... Глаза были его. Серебристо-серые, как дымчатый хрусталь, как лезвие в предрассветном тумане. В них плавала та же холодная ясность, то же отстранённое, аналитическое наблюдение. Он смотрел в них, а они смотрели назад, полные того же немого, леденящего вопроса.

Реинкарнация? Квантовый сбой? Галлюцинация умирающего мозга в том бункере? Мысли метались, натываясь на стены логического тупика. Почему не младенец? Почему память цела? Почему это тело... отзывается на команды с такой странной, смутной готовностью?

«Вот это, блин, поворот», – внутренний голос, его верный, циничный и немного усталый спутник, выдал вердикт, уложившись в одно нецензурное слово.

Дверь отворилась без стука. В проёме застыла молодая женщина. Черноволосая, с лицом, в котором угадывалась породистая, «дворцовая» красота, отточенная поколениями. Но главное – глаза. Огромные, миндалевидные, цвета первой весенней зелени после дождя. Сейчас в них плескалась целая буря эмоций: облегчение, забота, усталость.

– Томас? – её голос был низким, тёплым, бархатистым, как хороший коньяк. – Господи, ты наконец очнулся. Как ты себя чувствуешь?

Инстинкт выживания, отточенный годами, сработал быстрее сознания.

– Хорошо, – прозвучал ответ. Высокий, чистый, детский голосок. Он содрогнулся изнутри от этого звука.

– Чего ж тогда у зеркала стоишь, словно остоленел? – в её интонации появилась лёгкая, шутовская укоризна, но глаза оставались серьёзными. – Одевайся и спускайся завтракать. Отец и Кэролайн уже внизу. Не заставляй себя ждать.

Она улыбнулась, и лучик солнца, пробившийся из окна, скользнул по её лицу, высветив золотые нити в тёмных волосах. Затем она вышла, мягко прикрыв дверь.

Томас. Первый ключ. Имя.

«Что делать?» – хаос в голове сгустился, грозя паникой.

«Что делает агент на вражеской территории, новобранец? Наблюдает. Адаптируется. Сливаются с местностью. А для начала – сними эти дурацкие кружева, пахнущие лавандой, и иди завтракать. Мозг работает на глюкозе», – отчеканил внутренний голос с бесстрастной логикой полевого командира.

Одежда оказалась ещё одним испытанием. Просторная рубашка из мягкого, но грубоватого льна, короткие штаны-бриджи, чулки из шерсти, туфли с непонятными пряжками. Каждый предмет был тактильным доказательством чужой, незнакомой реальности.

Глава 2

Его вели запахи. Они плыли по каменным коридорам-лабиринтам, густые и манящие: тёплый, дрожжевой дух только что выпеченного хлеба, пряная сладость печёных с мёдом яблок, насыщенный аромат жареного на вертеле мяса. Камень под ногами был отполирован до зеркального блеска бесчисленными поколениями шагов. Стены украшали гобелены, изображающие сцены охоты на чудовищных кабанов и битв со странными, крылатыми существами. *Замок. Не дворец для балов, а именно замок – крепость, монументальная и мощная.*

Он вышел на широкую галерею с резными балюстрадами, с которой открывался вид на огромный главный зал. Внизу, за длинным, тёмным, дубовым столом, сидели они. Его «семья».

Во главе – мужчина. Ричард. В нём чувствовалась не просто сила, а *масса* – физическая и волевая, давящая на пространство вокруг. Широкие, как дверные косяки, плечи, волевой подбородок с ямочкой, нос с едва заметной горбинкой – лицо полководца или судьи, высеченное из гранита. Но контрастировали с этой суровой мощью волосы – густые, пшеничного цвета, собранные у затылка в короткий хвост, и глаза. Глаза цвета лазурного моря в безветренный день. Глубокие, пронизательные, сейчас прикрытые дымкой утренней задумчивости.

Рядом с ним – девушка, Кэролайн. Лет четырнадцать. Её светлые, почти белые волосы были заплетены в сложную, воздушную косу. Лицо – хрупкий фарфоровый овал с большими, широко распахнутыми глазами цвета морской волны, в которых плескалось живое любопытство и некоторая подростковая отстранённость. Она что-то шептала отцу, и уголок его губ дрогнул в почти неуловимой улыбке.

И она. Мариса. Его «мать». Сидела с идеально прямой, королевской спиной. Её зелёные глаза, теперь при дневном свете казавшиеся бездонными лесными озёрами, изучали его, спускающегося по широкой лестнице. В её взгляде не было простой, умильной материнской нежности. Была сложная смесь: оценка, глубокая забота, усталость и... тревога? Глубокая, затаённая, как тень под водой.

Две служанки в простых серых платьях с белыми фартуками бесшумно двигались вокруг стола, как тени. Их лица были опущены, движения отточены до автоматизма, взгляды осторожны.

«Царские палаты, царские нравы...», – процедил внутренний голос.

Он спустился и сел на свободное место справа от Ричарда. Стол был так широк, что расстояние до ближайшей серебряной тарелки казалось непреодолимым.

– Доброе утро, – сказал он, и слова прозвучали слишком громко и звонко в внезапно наступившей тишине.

Лазурные глаза Ричарда медленно повернулись к нему.

– Как самочувствие, сын? – его голос был низким, бархатным, но с твёрдой стальной нитью внутри. – Вчера ты заставил нас поволноваться. Конь споткнулся на повороте, а ты полетел как пущенный из пращи снаряд. Череп чуть не раскололся о стену. Мать до утра колдовала над тобой, пока не убедилась, что твоя жизненная нить прочна.

Он кивнул в сторону Марисы. Та лишь чуть сжала тонкие губы, и её пальцы на мгновение сомкнулись вокруг ручки ножа.

– Всё в порядке. Голова не болит, – ответил он, стараясь вложить в голос лёгкость, которой не чувствовал.

– И отлично. Значит, завтрак не пропадёт даром, – Ричард мастерски снял напряжённость лёгкой шуткой. – Мариса, будь добра, передай мёд. Не тот, что с лимоном, а падевый, тёмный.

– Ричард, твоя рука, кажется, длиннее моей, – она произнесла это с лёгкой, игривой укоризной, но уже тянулась к высокой глиняной пиале. – Любишь ты покомандовать даже за семейным столом.

– Это не приказы, моя дорогая, – он взял пиалу, и их пальцы на мгновение соприкоснулись. – Это стремление к безупречности ритуала. Утренняя трапеза должна быть идеальна.

За столом воцарилась лёгкая, почти домашняя атмосфера. Он впитывал её, как губка: имена, интонации, намёки, крошечные молнии понимания, пробежавшие между Ричардом и Марисой. Узнал, что служанок зовут Клэр и Джоана. Что Кэролайн помешана на вышивке гобеленов и старых рыцарских балладах. Что Ричард правит провинцией Баллас – одной из многих на континенте Энтронус. Ключевая деталь, прозвучавшая как нечто само собой разумеющееся: Мариса была не просто знатной дамой. Она была целительницей. И слово «колдовала» прозвучало не как метафора, а как констатация профессионального навыка.

После завтрака он намеревался раствориться в лабиринте коридоров и найти ту самую библиотеку, о которой вскользь упомянул отец. Но планы рухнули у самой двери его комнаты.

Он стоял в тени глубокой ниши, будто часть гобелена или каменная горгулья – седовласый, сухощавый, в поношенной, но безупречно сидящей кожаной кирасе, с нашитыми на неё стальными пластинами. Его лицо было испещрено сетью мелких, белых шрамов, как паутина, а глаза... глаза были цвета старого, потускневшего золота, жёлтые и пронзительные, как у хищной птицы. В них не было ни тепла, ни вражды. Лишь холодный, профессиональный интерес.

– Том, – голос был хрипловатым, тихим, но разборчивым на расстоянии двадцати шагов. – Надеюсь, вчерашний полёт не отбил охоту к твёрдой земле под ногами? Клинок сучает по твоей руке. И я – по твоим попыткам меня достать.

Он оценил стойку: ноги чуть согнуты, вес идеально распределён, руки свободны, но готовы. Это был не гвардеец, не учитель фехтования из спортивного зала. Это был человек, для которого клинок – продолжение тела, а бой – родная стихия.

– Нисколько, – ответил он, и в голосе невольно прорвалась привычная, собранная готовность.

– Отлично. Жду во дворе. Через десять минут. Не опаздывай. Погода стоит – грех не вспомнить, что такое пот.

Он кивнул, почти незаметно, и растворился так же бесшумно, как появился, его кожаные сапоги не издали ни звука на каменном полу.

«Штирлиц ещё никогда не был так близок к провалу...», – мрачно пошутил внутренний голос.

Задача стояла адская: выдержать спарринг с явным мастером, не показав навыков и рефлексов профессионального убийцы, но и не выставив себя полным, беспомощным неумехой. Тело Томаса, к его глубочайшему удивлению, откликалось. Мышечная память была там – смутная, неточная, словно смытый дождём рисунок, но реальная. Это была не чистая доска, а глиняная заготовка, уже тронутая рукой первого скульптора и ждущая второй, решительной.

Глава 3

Утренний двор замка Баллас встретил его не просто запахом земли, а целой симфонией жизни крепости. Пахло едкой, тёплой аммиачной нотой свежего навоза из ближних конюшен, сладковатым дымком пекарни, веющим из-за внутренних стен, и горьковатой, смолистой полынью, которую уже скосили у подножия крепостных валов. Воздух был влажным, тяжёлым, предвещающая полуденную жару, и в нём танцевали мириады пылинок, золотящихся в косых лучах солнца.

Дован ждал в центре утоптанного пятака, который от долгого, целенаправленного использования превратился в плотный, почти керамический круг глины. Он был одет не в парадную кожу, а в поношенную, но выхоленную тренировочную кирасу, на которой поблёскивали заплатки и затянутые шрамы от ударов. Лицо, изборождённое морщинами, похожими на высохшее русло горной реки, не выражало ничего, кроме хищной сосредоточенности. В руках у него были не просто макеты – это были точные, потрёпанные копии боевого оружия, со сбитой краской на гардах и потёртыми, гладкими от прикосновений пальцев наверхиями. Детский меч, который он бросил Томасу, был холодным на ощупь, с рукоятью, обмотанной потертым, впитавшим чужой пот ремнём.

Ловля, хват – пальцы мальчика обхватили рукоять с неожиданной, привычной уверенностью, но само оружие ощущалось глубоко чужим: баланс смещён, вес не тот, центр тяжести лежал в ином месте. Тело помнило другое железо – эргономичное, смертоносное, созданное для убийства, а не для тренировок.

– Разминка. Покажи базу. Выпад, отход, верхний блок, – голос Дована был похож на скрип несмазанных ворот. Он не демонстрировал, лишь обозначал движения своим клинком, который рассекал воздух с коротким, свистящим, как удар плети, звуком.

Томас повторил, сознательно делая движения чуть угловатее, менее точными, чем позволяла мышечная память. Локоть дрогнул в конце выпада, блок пришёлся не центром клинка, а ближе к гарде, корпус завалился. Дован наблюдал, не моргая. Его жёлтые, как у старого филина, глаза были неподвижны, но Томас чувствовал их тяжёлую, оценивающую массу на каждой своей мышце, на каждом суставе.

– Довольно гимнастики, – резко оборвал учитель, и в его тихом голосе впервые прозвучало раздражение. – Атакуй. По-настоящему. Или ты и вправду после падения стал тряпкой, годной лишь на мытьё пола?

Первый выпад Томас сделал нарочито тяжеловесным, неуклюжим, словно меч был неподъёмной гирей. Дован даже не парировал. Он просто сделал шаг, такой лёгкий и плавный, что пыль под его грубым сапогом даже не взметнулась. Его деревянный клинок опустился Томасу на плечо – не рубящим ударом, а точным, давящим тычком, который заставил плечевой сустав неприятно ныть, а по руке побежали мурашки.

– Сопли жевал за завтраком? Или думаешь, я слепой? – Дован пошевелил ноздрями, будто принюхиваясь не к запаху, а ко лжи. – Значит, будешь играть в скромника. Что ж... давай сыграем.

Он атаковал.

Это не было красиво. Это было эффективно, жестоко и без намёка на снисхождение. Деревянный клинок описывал не широкие дуги, а короткие, рваные прямые, целился не в оружие, а в тело: в сгиб локтя, в подколенную впадину, в незащищённый бок под короткой курткой. Каждый пропущенный удар отдавался не просто болью, а глубоким, унижительным жжением, которое проникало внутрь. Тело, тренированное годами в другой жизни, в другом теле, вопило от возмущения, требуя включиться, отыграться, раздавить. Разум сжимал челюсти до хруста, подавляя инстинкт. *Адаптация. Маска. Выживание. Ты – ребёнок.*

– Ладно, – Дован внезапно отпрыгнул назад, воткнув свой меч в землю так резко, что рукоять затрепетала, издавая низкое, недовольное гудение. – С техникой – полная беда. Но рефлексы... любопытные. Когда я бил тебя по ноге в третий раз, ты уже начал подставлять клинок, хотя глазами не успевал следить. Не умом, кожей. Тело помнит то, чего голова не знает. Давай пробудим эту память. По-настоящему.

Он выдернул клинок, и земля с лёгким всхлипом отпустила лезвие. – Теперь – всерьёз. Я не буду тебя щадить. Не сегодня. А ты... перестань щадить себя.

И ринулся.

На этот раз скорость была иной. Не учебной, а той, что стирает границу между движением и ударом, между намерением и результатом. Томас едва успевал реагировать, отскакивая, блокируя, чувствуя, как его дыхание сбивается. Но что-то внутри, древнее и глубинное, наконец щёлкнуло. Привычка. Та самая, что вшита в подкорку опытом настоящих, не учебных схваток, где цена ошибки – жизнь. Его сознание отступило, уступив место телу, его новой, старой памяти. Он не стал быстрее – он стал *экономнее*. Уклонился от рубящего удара не шагом назад, а микросмещением корпуса вперёд и вбок, оказавшись в мёртвой зоне учителя, и тут же вогнал короткий, как укус гадюки, тычок в солнечное сплетение Дована. Тот парировал движением локтя, отбив удар с глухим, костяным стуком, но в его глазах, обычно мёртвых, как у рыбы, вспыхнула искра – не удивления, а дикого, хищного азарта.

– Вот! Вот оно! – прошипел он, и слюна брызнула с его тонких губ. И контратаковал, уже не играя.

И в этот миг привычная реальность Томаса, выстроенная на законах физики его прошлого мира, дала глубокую, звонкую трещину.

Клинок Томаса, направленный в ответ в незащищённый бок, встретил не кожу и не кирасу, а нечто шершавое, холодное и невероятно твёрдое. Раздался звук, от которого свело зубы и задрожали барабанные перепонки – сухой, скрежещущий скрип, будто железо резало по песчанику. Из-под потёртой куртки Дована, точно живая, выступила и тут же осыпалась, превратившись в мелкую пыль, каменная корка. В воздухе повис резкий запах размолотого гранита и едкой, озонной искры, пахнувшей грозой.

Томас отпрянул, споткнулся и рухнул на спину, захлёбываясь не болью, а абсолютным, всепоглощающим потрясением. Перед ним только что разверзлась пропасть между мирами, и из неё пахло ветром иных, незнакомых законов. Магия. Она была не словом в книге. Она была здесь. В земле под ногами, в этом старике с глазами хищника. Осязаемая, грубая, реальная.

«Что...» – внутренний голос, обычно такой словоохотливый, замер, сражённый наглядным, тактильным доказательством чуда.

А Дован рассмеялся. Это был не добродушный смех, а хриплое, победное гоготание старого волка, нашедшего наконец достойного соперника, а не щенка.

– Ага! Попался-таки, чертёнок! Год бьюсь как рыба об лёд, а оказывается, тебя надо просто до упора прижать, до самой чёрной печени! – Он протянул руку – узловатую, покрытую паутиной белых, давно заживших шрамов. – Ну? Говори. Кто тебя учил этому уходу? Глаза бы мои не глядели на такую технику. Это не из моих уроков.

Томас, всё ещё чувствуя во рту вкус пыли, пота и собственного потрясения, позволил поднять себя. Тело дрожало мелкой, предательской дрожью, выдавая шок.

– Не знаю... само получилось, – выдавил он, и в этой полуправде была горькая правда. Тело знало что-то. Он – нет.

– Само, – Дован усмехнулся, но усмешка была уже иной – оценивающей, почти уважительной. – Ну что ж. «Само» теперь будем растить, лелеять и заставлять окрепнуть – потом и кровью. То, что ты достал меня и заставил применить каменную кожу – это уже кое-что.

Остальное... обсудим, когда перестанешь трястись как лист на ветру. А сейчас – иди к матери, пусть посмотрит синяки. Завтра. В это же время. Не опаздывай.

Он развернулся и пошёл прочь, его походка была лёгкой, почти кошачьей, несмотря на возраст и грубую амуницию. Томас же стоял, глядя на свою ладонь, где от встречи с каменной бронёй осталось красное, горячее пятно. И не только на ладони. Всё его существо горело новым, жгучим знанием. Магия была здесь. И ему предстояло с ней разобраться. Но сначала – библиотека.

Глава 4

Библиотека замка Баллас оказалась не просто комнатой, а отдельным, законсервированным во времени миром. Воздух здесь был густым, и пах он не просто старой бумагой, а целым букетом ароматов: сладковатой пылью, прогорклым воском давно угасших свечей, древесным клеем, дубильной кислотой пергамента и едва уловимым, затхлым запахом сырости, вечно просачивающейся сквозь древние камни фундамента.

Свет проникал сквозь высокие, узкие витражные окна, украшенные гербами рода, окрашивая клубящуюся в лучах пыль в кроваво-красные, изумрудно-зелёные и сапфирово-синие пятна. Хрустальные сферы, подвешенные к потолку на почти невидимых серебряных цепях, излучали мягкий, ровный магический свет, но он не рассеивал общий мрак, а лишь выхватывал из него острова: массивный дубовый стол, испещрённый чернильными кляксами и восковыми наплывами; бесконечные стеллажи из тёмного дерева, чьи полки под тяжестью фолиантов слегка прогнулись, издавая тихий, скрипучий стон при малейшем движении; потемневшие от времени глобусы с нанесёнными на них незнакомыми материками и морями и океанами.

Томас не просто читал – он погружался в физическую ткань знаний. Его пальцы скользили по шершавой, волнистой от влаги бумаге средневековых манускриптов, ощущали холодную, почти кожаную гладкость пергамента более древних свитков, шероховатость дешёвой, жёсткой бумаги современных записок и отчётов. Каждая книга была артефактом, хранящим не только слова, но и отпечатки времени: выцветшие, побуревшие чернила, дрожащий, неуверенный почерк переписчика, засохшее между страниц незнакомое растение, оставленное как закладка два века назад, пятно от вина или слезы.

Он узнал, что мир зовётся Аркана. Что существуют два гигантских материка: Энтронус, управляемый Верховным Советом магов, и Инлос, где правит император из таинственного рода Ин. Что магия пяти стихий – земли, воды, огня, воздуха и жизни – не метафора и не сказка, а фундаментальная физика этого места, как гравитация в его старом мире.

Он конспектировал в уме, выстраивая картину:

Источник:

внутренний резервуар магической силы, данный при рождении. Размер разный, его можно наполнить тренировкой, но не увеличить.

Инициация:

ритуал в 10 лет, открывающий доступ к магии. Проводится целителем высокого ранга или с помощью особого кристалла.

12 рангов силы.

Десятый – легенда, двенадцатый – теоретический предел.

Система:

большинство развивают одну стихию. Гении – две. Больше – невозможно физически из-за ограничений источника.

Политика:

89 провинций под управлением баронов, почти независимых царьков. Совет следит лишь за основными законами и сбором налогов. Вся власть – у сильнейших магов.

Он – Томас Баллас, сын барона Ричарда, наследник захоластной, но стратегически важной провинции на окраине Энтронуса... и потенциальный ресурс, пешка в большой политической игре могущественных сил.

Особенно он задержался на ветхом, потрёпанном трактате в кожаном переплёте с выцветшим названием: «О природе Источника и пределах Духа». Выцветшие, побуревшие чернила выводили догму: *«Источник есть сосуд, дарованный при рождении. Упорством и волей можно наполнить его до самых краёв, но размер сосуда изменить нельзя. Такова непреложная воля*

самого Мироздания.» От этих строк веяло холодом тюремной решётки, окончательностью приговора. И где-то в глубине его существа, в том месте, где теперь жило смутное ощущение чего-то большего, шевельнулось тихое, но уверенное понимание: для него этот «непреложный» закон, возможно, – всего лишь слова на бумаге.

До его собственной инициации оставалось три года. Три года, чтобы подготовить это тело, изучить правила игры и понять, как и почему он здесь. И, возможно, найти способ обойти эти правила.

Три года упорных тренировок сжались в калейдоскопе боли, пота, сбитых суставов и редких, ярких озарений. Дован оказался не просто учителем, а безжалостным скульптором, высекавшим из мальчишки воина. Он вплетал магию в самую ткань спаррингов, превращая каждый урок в битву за выживание. Земля под ногами оживала, вздымаясь пиками; из воздуха сгущались тучи пыли, слепя и замедляя движение; каменные дротики летели с немой скоростью. Каждая тренировка заканчивалась у Марисы, чьи руки излучали волны ледяного или тёплого покалывания, затягивая раны и сращивая кости. Её взгляд, всё чаще обращённый на сына, становился всё более непроницаемым.

За полгода до инициации с Томасом стало происходить нечто странное. Во время одного из спаррингов, когда Дован загнал его в, казалось бы, безвыходный угол каменными шипами и градом осколков, в затылке, чуть ниже черепа, вспыхнула ледяная точка. Не мысль, не звук. Чистый инстинкт, ясный и неопровержимый, как удар молнии: *СТОЙ*.

Он замер на месте, вопреки всем логическим расчётам. Осколки просвистели в сантиметре от его лица. А там, куда он должен был отпрыгнуть, из земли вырос ещё один шип, самый крупный и острый. Если бы он рванул туда – ему бы просто распорили живот.

– Хм, – только и сказал Дован, растворяя каменные конструкции. – Чутьё. Редкий дар. Почти звериный. Будешь его развивать. Называется «внутренний колокол». У немногих звонит.

Другим открытием стало «ускоренное восприятие». Оно включалось в пиковые моменты, когда деревянный клинок Дована был в сантиметре от горла. Мир замирал, звуки растягивались в низкий, басовитый гул, а движения учителя и всплески его магии становились видны, как в замедленной съёмке. Он видел, как из ничего кристаллизуются песчинки, формируя клинок, как сгущается воздух перед ударной волной. Но вызвать это состояние по желанию он не мог. Оно владело им.

Умение пришло с болью, кровью и страхом за другого. Во время спарринга на краю поляны, где за тренировкой с балкона наблюдали Мариса и Кэролайн, Дован применил новую технику. Каменная глыба взорвалась не в него, а рядом, и веер острых, как бритва, осколков разлетелся в стороны. Большинство были неопасны, но один, с рваными, злыми краями, с диким свистом понёсся в сторону Кэролайн. Сестра, увлечённая разговором с матерью, не видела опасности.

В голове Томаса что-то щёлкнуло. Треснуло. Не мысль, а хрупкая перегородка, отделявшая обычное восприятие от чего-то иного. Время *остановилось*. Он видел каждый вращающийся обломок, каждую пылинку в воздухе, уже начинающее движение тело Марисы. Он видел траекторию, вычислил её за миг. И понял, что не успеет добежать.

Тогда он не побежал.

Он *рванул*. Не ногами, а всем существом, волей, отчаянным желанием быть *уже там*. Пространство сжалось, резиновой лентой рванув его вперёд. Раздался оглушительный, металлический лязг – его клинок, вскинутый наотмашь, встретил осколок и отбил его в сторону. А потом мир навалился на него всей своей тяжестью. Каждая клетка взывала от невыносимой боли, кости словно превратились в раскалённое, ломкое стекло, из горла хлынула солёная струйка крови. Он рухнул на землю, и тьма, густая и бархатная, накрыла его с головой.

Очнулся он под ладонями Марисы. Её лицо было белым, как мел, а в зелёных глазах, помимо профессиональной, хирургической сосредоточенности, плавала та самая, непроницаемая тревога, смешанная теперь с немимым вопросом.

– Что это было, Томас? – спросила она так тихо, что слова едва долетели до него. – Я не видела движения. Ты просто... возник перед ней из ничего.

Он не смог ответить. Горло было сдавлено и забито кровью. Но в её взгляде он прочёл не только материнский страх. Он прочёл страх мага перед тем, что не укладывается ни в один известный ей свиток.

С тех пор он мог вызывать «рывок» сознательным усилием. Но цена была чудовищна – физическое опустошение, будто всё тело вывернули наизнанку, и раскалённая игла, вонзающаяся в виски. Предел 2 метра без потери сознания. И «внутренний колокол» теперь иногда звонил без видимой причины, заставляя его оборачиваться на пустой коридор или всматриваться в безоблачное небо.

Глава 5

День инициации настал в ясное, прохладное майское утро. Воздух в главном зале был наэлектризован тишиной и ожиданием. Помимо семьи и мрачно-одобрительного Дована, здесь присутствовал чужак – профессор Энто из столичной Академии Арканум. Высокий, аскетичный, с лицом, вырезанным из слоновой кости, и длинными серебряными волосами, заплетёнными в безупречно тугую косу. Его глаза, серые и холодные, как зимний гранит, изучали Томаса без тени тепла или любопытства – лишь как объект. В тонких, почти женственных пальцах он сжимал посох из чёрного дерева с молочно-белым, мерцающим изнутри кристаллом на навершие.

Ричард стоял по стойке смирно, его обычная уверенность была слегка подёрнута лаком официальности. Мариса была спокойна, но её пальцы теребили складки тёмно-зелёного платья. Кэролайн смотрела, затаив дыхание.

– Начинаем, – сказала Мариса. Её голос приобрёл странные, вибрирующие обертоны, звучащие на грани слуха. Она не произносила слов, но её руки выписывали в воздухе перед грудью Томаса сложные, гипнотические узоры, оставлявшие за собой следы изумрудного, живого света.

Томас чувствовал, как в зале сгущается энергия. Она была разной: тёплой, тягучей и пахнущей мятой и мёдом от Марисы; твёрдой, неподвижной, как скала, от Ричарда; острой, колючей и холодной, как сталь, от Энто. И было ещё что-то... фоновая густота, море незримой силы, которое он начал смутно ощущать после своих «рывков». Оно было везде и нигде.

Мариса завершила плетение и легким, точным толчком направила сгусток изумрудной энергии ему в грудь, в область сердца.

Ожидаемого не произошло.

Он не почувствовал, как внутри что-то «просыпается» или «раскрывается». Он почувствовал, как сгусток Марисы, коснувшись его, *исчез*. Растворился без следа, будто капля воды, упавшая на раскалённую докрасна плиту. И в тот же миг *то*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.